

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ БОГА ПО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Исаевич двадцать лет спустя

Солженицын вернулся! Спрямился наконец едва ли не самый трагичный выгиб его судьбы. Осуществилось пророчество его, казавшееся 20 лет назад лишь словами, которые не может не произнести человек у врат темницы: "Я вернусь!" Конечно, Вермонт — не Колыма, и все же не по собственной воле жил он там затворником с денной и ночной мечтой — увидеть Россию и себя в России.

То, что возвращение Солженицына заставит отечественные коварные умы и злые языки поработать на полную мощь, было понятно заранее. Много еще в стране литераторов, которые дружно кололи его некогда своими острыми партийными перьями. Им сейчас смолчать — все равно что в ноги ему бхнуть: "Прости!" Нынешним ультрапублицистам его возвращение — удобный случай громкой бранью в адрес Всероссийского Авторитета вновь заявить о себе, о своей "независимости". Которые, посыпавшись с газетных страниц в канун его возвращения: "Солженицын опоздал... Он выдохся... Он никому уже в России не нужен..." Ложь все это от начала до конца! Россия и Солженицын неотделимы. Что раньше, что ныне, что, надеюсь, во веки веков.

Заранее было ведомо также, что не упустят своей предполагаемой выгоды и политики. И первые среди них — "истинно русские". Они поспешат выйти ему навстречу с его и царскими портретами. А ультрапатриоты громко закричат "Ура!", надеясь, что "Исаич" одарит их хотя бы благосклонной улыбкой, после чего можно будет прокричать традиционное: "Россию — русским!" и добавить: "Солженицын — с нами!" Почти так уже и произошло. Александр Ручкой уже заявил, что будет счастлив познакомиться Александра Исаевича с планами "державников" — его, Солженицына, единомышленников.

Борьба нынешних российских политиков всех мастей за Солженицына просчитывалась как неизбежное зло. Но

была надежда на то, что Александр Исаевич все это тоже предполагает, просчитывает, а потому не позволит разжечь искусственный пиротехнический пожар вокруг своей персоны. Что он найдет такую форму возвращения в Россию, при которой политики окажутся наедине со своими целями и страстями, а он разделит счастье встречи с Родиной с бескорыстными почитателями его книг, его таланта, его личности.

Надежда эта, увы, не оправдалась. Похоже, не захотел Александр Исаевич вернуться на Родину писателем, живущим и творящим не во лжи. Иначе как прикажете оценить его уже начавшееся паломничество по Руси — от Владивостока в сторону первопрестольной через многие города и веси? Через митинги-встречи с трудящимися, то бишь с толпами ожидающих его на площадях, когда "приходится" ему подниматься на заранее установленную трибуну, на которую уже нацелено телекамер и микрофонов больше, чем глаз и ушей. Это действия политика, решившего шагнуть в народ для того, чтобы стать его, народа, кумиром.

Нас уверяли: Александр Исаевич не жалует журналистов. Да полноте! А грандиозная пресс-конференция в городе далеком, но нашском? А согласие, чтобы весь его путь от Вермонта до Москвы снимала киногруппа Би-би-си? Все это тоже атрибуты политического деятеля, а не литератора.

Может, я пропустил что-то, не усмотрел на телеэкране, но только не удалось мне ни разу

услышать, чтобы Александр Исаевич в первые дни на родной земле всерьез поговорил о своих романах и повестях, произнес слово "литература". Из его уст мы услышали только политико-экономические монологи: Горбачев умышленно завалил перестройку, и вообще начинать новый экономический уклад в стране надо было не сверху, а снизу... Александр Исаевич без устали напоминал: то, что происходит сейчас в стране, он предвидел еще три с лишним года назад и остерегал нас, да мы не вняли. О, как бы он был рад, если бы его пророчества не сбывались. Но "на беду" он не ошибается, все предугадывает в точности. И этот прием — из арсенала трибуны, агитатора, политика,

но уж никак не писателя.

Так кем же Солженицын вернулся в Россию? Лауреатом Нобелевской премии по литературе, потрясшим мир своими книгами? Или он вернулся Мессией, который единственный на земле знает сейчас, как обустроить Россию, как привести ее к процветанию?

Не мне советовать гению, в каком облике стоило ему явить себя России после 20-летнего отсутствия. Однако мое право оценить теперь, избрал он гениальный вариант или допустил серьезную ошибку. На мой взгляд, вариант возвращения Солженицына в Россию оказался далек от гениальности. Ну не хочу я, как, надеюсь, и многие в России, вновь обрести "единственно правильное

учение", которое всесильно, потому что верно — и наоборот. Ну аллергия у меня на непогрешимые теории. Между прочим, развенчать непогрешимость ленинизма мне помогли книги Солженицына. Но на освободившееся от Владимира Ильича место у меня нет желания помещать теперь Александра Исаевича, да простит он мне эту дерзость. Во всем мире только Бог признается автором и проповедником истины. А в сфере политики и экономики человечество как-то обходится без "единственно верного" курса и экскурсовода. Только в России все оказывается, как всегда: один пророк спешит сменить другого. И мы сами помогаем каждому следующему взойти на трон, на трибуну или пьедестал.

За две недели до возвращения Солженицына в Россию в подмосковном Переделкине собрались несколько литераторов-демократов, чтобы за круглым столом обсудить предстоящее событие. Так вот, один из них, Семен Липкин, заявил: Солженицын — совершенно новый писатель, и надо дорасти до понимания того, что он пророк. И все с этим согласился, только одна Валерия Нарбикова не признала Солженицына за пророка. Да что писатели-демократы! Один из лидеров "Демократической России", Галина Старовойтова, заявила, что будущего кандидата в президенты России, как она надеется, назовет Александр Исаевич, во всяком случае "своим чутым... поможет определить будущего лидера".

Мы сами творим себе политических вождей из литературных кумиров.

"Поэт в России больше, чем поэт". Эта фраза, эта мысль действительно была верной до недавнего времени, когда слово правды каралось лишением не только свободы, но и жизни. И поскольку государство

бесперечно вмешивалось в дела литературы, она имела моральное право вмешиваться в дела государства. Потому-то книги Солженицына и становились одновременно событиями культуры и политики, даже сначала политики, а потом культуры.

Но сегодня этой вынужденной, искусственной, уродливой ситуации уже нет. И не требуется художнику быть больше, чем художником. А мы продолжаем жить и мыслить по традиции: талантливо — в президентию! Гениально — в президентию! Даю руку на отсечение: Солженицына скоро будут просить не только порекомендовать нового лидера страны, его самого в эти лидеры предложат. Даст ли Солженицын на это согласие? Еще два дня назад я бы смело написал — нет, ни за что, никогда! А сегодня предпочту промолчать. Впрочем, паломничество Александра Исаевича по Руси только началось и возможны еще самые неожиданные сюрпризы. Но уже мало вероятно, что они окажутся вне сферы политики.

Признает ли Россия Солженицына выдающимся политиком или все же попытается вернуть его в лоно литературы, где ему действительно нет равных? Это будет зависеть от нас, и только от нас. Как известно, от вулкана нельзя требовать, чтобы он сбрасывал пепел в пепельницу. Лично я не помню случая, чтобы политик или человек, возмнивший себя политиком, вернулся после многолетнего изгнания на Родину без фанатичного стремления немедленно переделать тут жизнь согласно своим долго вынашиваемым планам. Но ведь и простые смертные могут открыто заявить о своем нежелании посылать головы вулканическим пеплом.

Богу — Богово, а Солженицыну — почет, слава и уважение. Не меньше. Но и не больше. Солженицын — гений русской литературы, а не Уполномоченный Бога по Российской Федерации.

Юрий СКВОРЦОВ.

ВСПОМНЯТ СОЛЖЕНИЦЫНА — ПОМЯНУТ И ПИНОЧЕТА

Есть некий мистический смысл в том, что через неделю после возвращения на Родину писателя Александра Солженицына в Россию засобирается экс-диктатор Аугусто Пиночет. Два символа семидесятых годов, два любимых пугала пропаганды кремлевского режима времен не-сгибаемого ленина Брежнева.

Действительно, вот уж кого черт пропаганды связал классической веревочкой. Генерал Пиночет в его затемненных очках и почти фашистской фуражке с вызывающе высокой тульей был незаменимым персонажем для устрашающих карикатур. Вот уж кто олицетворял "звериный оскал капитализма", готового утопить в реках крови порыв рабочего класса к царству свободы и социальной справедливости. Пиночет был "фашистом", а ведь именно фашистам и их привоям предатель Солженицын намеревался сдать, предварительно подорвав и разложив изнутри. Союз нерушимый. А потому в соседних "окнах РОСТА" семидесятых так и висели на тогдашней улице Горького (Пешков-стрит) рядом "портрет" генерала Пиночета с оскалом собачьих клыков, с которых капала кровь, видимо большого демократа Альенде, и некий образ блудливой бабенки, прозванной мадам СОЛЖЕ (помните — СОЛЖЕНИЦЫН).

Это сейчас все, включая супругу покойного Альенде, как-то стыдливо признали, что, мол, президента Чили никто, собственно, убивать не собирался и он несколько неожиданно для своего окружения сам покончил с собою. Но антипиночетовцы нуждались в символе

крупных злодеяний, невиданных со времен гражданской войны в Испании. Тогда-то сочувствие к делу чилийского рабочего класса и лично к судьбе Луиса Корвалана (герою анекдотов он стал года через два) дало всплеск небывалого интереса ко всему латиноамериканскому: пончо, гитары и особенно рифмованный призыв: "Когда народ един — он непобедим!" ("Эль пуэбло унидо хамас сера бенсидо"). Сейчас времена не те, но знаменитый призыв пережил все: падение коммунизма, уход в отставку Пиночета, резкое подорожание колбасы и превращение Горбачева из человека в одиозный фон. Ну тут, видимо, сказалось пристрастие к делам "пылающего континента" Виктора Анпилова. На последней маевке трудовики хором скандировали: "Товарищ, смелее гони Бориса в шею". Ритм, размер — все плагиат, а может быть, заимствование.

Но довольно ностальгической лирики. К нам едет Пиночет! Этим все сказано. Имеющий уши да услышит. Едет, пожалуй, единственный живой, вернее, выживший, диктатор. К сожалению, я не в курсе, здравствуют ли и поныне знаменитые греческие "черные полковники". Франко скончался на своем ответственном посту, Самосу грамотно замочили в иммиграции, а Пиночет мирно ушел, спокойно передал госу-

дарственное кормило демократически избранному президенту, остался на службе, а вот теперь решил на европейское турне. Хотя по европейским столицам окопалось, причем навечно, немало чилийских политиммигрантов.

У нас тамошних политиммигрантов не осталось: климат не тот, потребительская корзина не та. Дедушка Корвалан получает на родине хорошую депутатскую пенсию. Однако реакция на прибытие загадочного генерала расколел любой хор, хоть демократический, хоть патристический.

Действительно, когда пришло в России время в массовом порядке менять знаковую систему, последовательно, с русским размахом преобразуя мишусы в плюсы и наоборот, настал период тайного, а потом и явного любования генералом Пиночетом. Седовласый, ни когда не воевавший генерал со щеточкой усов стал как бы материализацией смутных мечтаний наших радикалов о новом Корнилове, военном диктаторе на белом коне или белом танке, который кого надо разгонит, кого надо накажет. Россию обустроит, злодеев на место поставит.

О сильной руке, как известно, сладострастно мечтают как левые, так и правые. Но имидж Пиночета — прерогатива, конечно, правых, тех словоохотливых либералов, антикомму-

нистов, которые в своем порыве как бы незаметно сливаются в экстаз со своими красными оппонентами, сторонниками диктатора-организатора а-ля дядя Джо.

Естественно, что, ежели генерал доберется все-таки до Москвы (в нашем МИДе отчего-то не склонны комментировать эту информацию), то встретят его не хлебом-солью и военным оркестром. Приедет он, как крымский президент Мешков: вроде отсутствует в первопрестольной, а где, с кем? А главное, произойдет великая интеллектуальная замятня в умах нашей твердорукой интеллигенции, в смысле дипломированных сторонников твердой руки.

Действительно, не берусь оценивать экономический талант генерала от инфантирии. Известно только, что команда Пиночета воспользовалась во многом плодами реформ Альенде, который разрушил земельные латифундии и облегчил начало рыночных преобразований в чилийской деревне. Что при Аугусто успех импортных операций целиком зависел от произвола государственной бюрократии, которой предстояло давать окончательное "добро" на все сделки, что резко девальвировалась валюта — эскудо, упала покупательная способность населения, возрос внешний долг, на обслужива-

ды от экспорта. Страна оказалась на пороге полного экономического краха. Однако срочная международная финансовая помощь, переформлирование внешних долгов плюс реальные рыночные преобразования позволили оттолкнуться от дна. Настоящее же "чилийское экономическое чудо" началось с восстановлением в Чили представительной демократии, когда в страну наконец хлынул поток иностранных инвестиций, которые прежде отпугивались имиджем правителя-диктатора. Так диалектически слились шаги Альенде по сломам остатков чистого феодализма, пиночетовский "шок" и интеграция страны в мировую экономическую систему при демократии. А потому и роль диктатора с сильными руками как основной предпосылки чилийского возрождения — обычная легенда. Но тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман.

Так уж у нас повелось от века: марксисты-ленинцы в руках не держали "Капитала", митинговые демократы слыхом не слышали о Фридрихе, искренние наши полубогемные поклонники генерала Пиночета путали его с изворотливым Пинокио: мол, если прежде ругали — значит мужик огромной пользы для мирового капиталистического дела.

Но приезд генерала, странствующего в роли коммивояжера собственной, жаждущей мо-

дернизации армии, интересен и в лингвистическом плане, хоть Пиночет в отличие от Солженицына ничем мировую литературу не обогатил. Видимо, пора договориться, как говорить в науке, о терминах. В первую очередь, о таком термине, как "фашизм", который в нашем Отечестве стал успешно заменять мат. Наши политические оппоненты с таким увлечением "гвоздят" друг друга фашистами для того, чтобы, видимо, в запале не вспоминать близких родственников своих идейных противников.

С Пиночетом и вовсе вышел конфуз. Наш полубогемный либеральная интеллигенция в последние два года только и занималась тем, что наклеивала на нас своего доморощенного Пиночета, общепризнанного "фашиста". Когда же на сцене появились деятели стиля В. В. Ж., то поклонники пиночетского стали с тем же увлечением поносить их фашистами. Словно бы есть место в этом мире фашистам плохим и хорошим. Нашим и ненашим.

Так что приезд неофициальным порядком генерала может стать полезным для осмысления многих явлений нашего образа и подвоя жизни. А для непримиримых анархистов и оголтелых большевиков и сталинистов — такой визит просто именины сердца, прекрасный повод флагами помахать, покричать "Эль пуэбло унидо..." вперемешку с "Товарищ, смелее..." Ясное для них дело: свой приехал к своим. Путаная это личность Пиночет, зато нам бы с Солженицыным разобраться. Двадцать лет минуло с великих кампаний агитпропа, а загадки личностей двух незаурядных людей волнуют воображение.

Михаил ШИПАНОВ.